

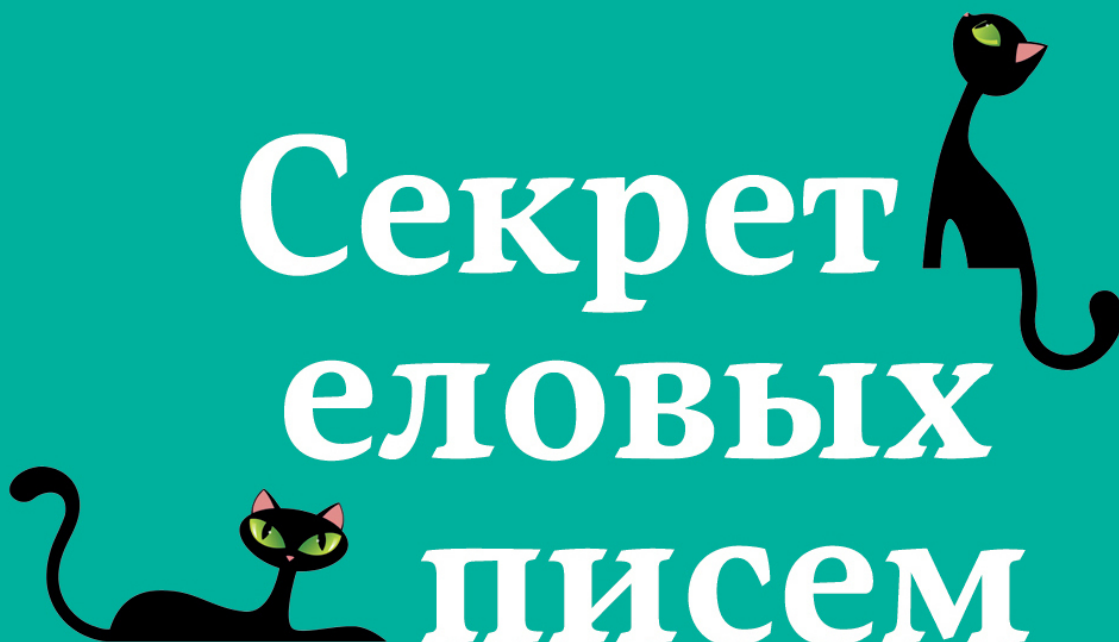
Фрауке
Шойнеманн

Приключения

КОТА- детектива

Секрет
еловых

писем

Приключения кота-детектива

Фрауке Шойнеманн

Секрет еловых писем

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.112.2-053.2
ББК 84(4Гем)-44

Шойнеманн Ф.

Секрет еловых писем / Ф. Шойнеманн — «Эксмо»,
2014 — (Приключения кота-детектива)

ISBN 978-5-04-088613-5

Жизнь кота-детектива не так-то легка. Вместо того чтобы наслаждаться безмятежным сном и отменными деликатесами, Уинстону приходится расследовать новое запутанное преступление. В этот раз случилось невероятное: одноклассницу его подруги Киры Эмилию похитили – и это в самый разгар репетиций школьного спектакля, в котором девочка играла главную роль! Теперь преступник требует выкуп! Детям и дворовым кошкам придется объединиться, чтобы вывести злоумышленника на чистую воду. Но есть одна проблема... К Кире из России приехала бабушка, которая неустанно следит за внучкой и ее котом. Под таким надзором соблюдать секретность ну о-о-очень непросто...

УДК 821.112.2-053.2

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-088613-5

© Шойнеманн Ф., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Пролог. Я герой. Или не совсем герой?	6
Позвольте представиться: Кот Уинстон, советник девочек, а вовсе не «комнатный тигр»!	7
Можно ли делиться снами? И почему ты сам не можешь выбрать себе друга?	9
В доме появился рояль. А мужчины тоже люди	13
Как я поступил правильно и все равно очутился в мусорном баке	18
Иногда можно найти друга по пути в ванную	22
Как я оказался на досках, которые означают весь мир	26
Мороженое. И бутерброд с мясным фаршем. И старая история с четырьмя сильными личностями	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Фрауке Шойнеманн

Секрет еловых писем

Frauke Scheunemann

Winston – Agent auf Leisen Pfoten

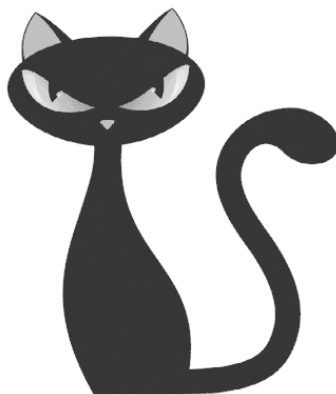
© 2014 Loewe Verlag GmbH, Bindlach.

© Гилярова Ирина, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

*Посвящается всем бабушкам.
Что бы мы без вас делали!*

Пролог. Я герой. Или не совсем герой?

– Сейчас я тебе покажу, как царапаться, мерзкая дрянь! – Огромный человек протянул к Одетте свою ручищу. Одетта забилась в угол, испуганно прижалась к стене, но все было напрасно. Сейчас он схватит ее. Еще несколько секунд – и она пропала. Но громила просчитался. Его планы нарушил я, Уинстон Черчилль, кот без страха и упрека! Мгновенно оценив расстояние, я совершил прыжок. Отчаянный и бесстрашный! Одна секунда – и я уже вцепился когтями в плечи этого негодяя. От него воняло сигаретным дымом и елкой! Да-да, действительно тем деревом, которое всегда приносит Вернер перед Рождеством. Поразительно! Впрочем, думать о рождественских елках мне было некогда. Этот тип задергался, стараясь избавиться от меня. Тогда я решительно вонзил когти ему в щеку.

– А-а-а-а! Что такое?! – Он сразу забыл про Одетту и попытался ударить меня. Но я ловко увертывался, и он все время промахивался.

Одетта, самая красивая в мире белая кошка, выскочила из угла.

– Беги, Одетта, беги! – крикнул я ей. – Я постараюсь его отвлечь!

– Нет, Уинстон, без тебя я никуда не пойду!

– Не спорь, Одетта! Беги скорее! Так будет лучше! – снова воскликнул я, и мое маленькое кошачье сердце радостно забилось – ведь Одетта хотела остаться со мной! И тут я нанес парню еще один удар лапой. Он взвыл и снова попытался меня стукнуть.

– Ах, Уинстон, – мяукнула Одетта, – ты так...

– ...растолстел! Подвинься, приятель!

РАСТОЛСТЕЛ?! Одетта!!! Как это понимать?! Я открыл глаза и с недоумением посмотрел на Одетту. Как она могла так жестоко меня обидеть?! Ведь я ее герой и спаситель!

Позвольте представиться: Кот Уинстон, советник девочек, а вовсе не «комнатный тигр»!

Нет-нет, как выяснилось, Одетта тут ни при чем. Меня обидел мой хозяин, профессор Вернер Хагедорн. Ему, видите ли, понадобилось сесть. И он выбрал диван, на котором дремал я, причем мне снилось, как я спасаю Одетту от закоренелого негодяя, врага кошек. Какая досада! Сон был потрясающий, а я так и не успел узнать, что Одетта хотела мне сказать. Увы, в реальной жизни мы беседовали с ней не так часто. В конце концов, я ведь жил здесь, на втором этаже, в доме номер 106-а на Хохаллее, в аристократическом районе Гамбурга под названием Харвестехуде, а Одетта чаще всего бродила на заднем дворе нашего дома. Но вместо того чтобы услышать, что шепнет мне на ухо Одетта, я получил толчок в бок. Вернер бесцеремонно отодвинул меня в сторону и тут же плюхнулся на мое место. Вопиющая бесцеремонность! Если он и теперь рассчитывал, что я позволю ему почесать меня за ухом, то он ошибался. И вообще, мне уже есть к кому приласкаться и без него. Да-да, потому что с недавних пор мы с Вернером жили уже не вдвоем в нашей большой старинной квартире: у нас появились две очень приятные соседки – Анна и Кира. Поначалу Анна просто работала у нас в дневное время экономкой, но потом она убежала от своего бывшего друга и с тех пор жила в нашей квартире вместе с дочкой Кирой.

Мы с Кирой уже пережили невероятное приключение, и хотя до этого я был уверен, что терпеть не могу детей, мы с ней стали лучшими друзьями. Вот еще одна причина, почему я решил уйти от моего глупого и бесцеремонного профессора и отправиться на поиски Кире. Пускай он теперь сидит один на моем диване!

Я быстро пробежал до конца нашего длинного коридора. Там находилась бывшая комната для гостей, где теперь жила Кира. Дверь была прикрыта неплотно. Я сунул в щелку нос, а потом пролез и весь. Кира сидела возле окна за маленьким письменным столом. Наверное, делала домашнее задание. Двумя прыжками я очутился сначала на кровати, а потом и на крышке стола. И действительно: Кира что-то писала в школьной тетради.

– Привет, Уинстон! – обрадовалась она и почесала меня за ухом. Мяу, вот это уместное приветствие! Я соскочил со стола ей на колени и замурлыкал. Раз уж мне не суждено досмотреть мой чудесный сон, то хотя бы получу здесь заслуженную ласку из приятных рук. Я замурлыкал громче.

– Да, мой хороший! Тебе нравится, правда? – Кира улыбнулась. – Уинстон, между прочим, Паули и Том спрашивали, как ты поживаешь. Наши друзья не забывают тебя, понятно?

Паули (вообще-то правильное – Паула) и Том были одноклассниками Кире и ее лучшими друзьями. Они учились в 7-м «Б» классе гамбургской гимназии «Вильгельмина». Паули и Том – суперские ребята, я сам мог в этом убедиться. Как мне это удалось, раз я кот? Да очень просто: мы с Кирой нечаянно обменялись телами, и я, оказавшись на время двенадцатилет-

ней девочкой, ходил в гимназию. Что? Это НЕВОЗМОЖНО? Еще как возможно! И при этом мы даже разоблачили преступника и спасли Анну, маму Киры, от огромных неприятностей с полицией. А потом снова вернулись каждый в свое тело и я опять стал котом. Святые сардины в масле, это было незабываемое приключение!

Но расскажу все по порядку.

Несколько недель назад мы с Кирой попали в грозу и спрятались от ливня у медной катушки на стройплощадке. В катушку ударила молния. Это произошло в тот момент, когда мы с Кирой жаловались на жизнь и мечтали стать кем-то другим. Увы, наше желание неожиданно сбылось: когда после удара молнии мы пришли в себя, все переменялось. Я, Уинстон, очутился в теле девочки Киры, а она, Кира, стала черным котом Уинстоном, короткошерстным британцем. А еще мы вдруг обрели способность обмениваться мыслями! Хотя это умение было довольно полезным и теперь я часто жалею, что мы его опять утратили, но обмен телами нас никак не устраивал. Мне совершенно не нравилось рано вставать каждое утро и идти вместо Киры в школу. Поначалу все было просто ужасно. Подлая Леония и ее дурацкие подружки устроили мне настоящую травлю. Не знаю, чем бы все закончилось, если бы не Том и Паули. Они мне здорово помогли. Еще я чуточку горжусь тем, что это я сам стал их другом и сделал такой подарок Кире – ведь поначалу они не знали, что я кот, а без меня Кире и в голову бы не пришло с ними подружиться. Так что я оказался вроде как советником девочки Киры.

Несмотря на наши захватывающие и опасные приключения, я не хотел всю жизнь оставаться человеком. Ведь в глубине души я все равно был четвероногим, а не двуногим. Кира тоже мечтала вернуться в свое тело. Мы с ней долго ломали голову, как нам совершить обратный обмен, даже были готовы снова рискнуть и выйти в грозу на улицу. Мы почти уже потеряли надежду, но тут Тому пришла в голову спасительная мысль. В общем, все обошлось без грозы и без разряда молнии... У нашей истории был счастливый конец – Кира снова стала девочкой, а я – котом. Но с тех пор мы, к сожалению, больше не могли читать мысли друг друга. Во всяком случае, обмениваться мыслями и разговаривать. Хотя мы по-прежнему прекрасно понимали друг друга. Поэтому Кира знала, что я буду ужасно рад повидаться с Томом и Паули.

– Уинстон, между прочим, мы договорились встретиться сегодня после обеда в кафе-мороженом. Я решила взять тебя с собой. Но перед этим мы заглянем на задний двор и навес-тим твоих четвероногих сородичей. Вернее, одну из них. – Кира подмигнула.

Разумеется, она знала, что я без ума от Одетты. В конце концов, раньше мы часто говорили с ней об этом. Одетта самая красивая кошечка на свете. У нее белоснежная шелковистая шерстка и такие черные глаза, что я тону в их головокружительной и загадочной глубине. И хотя она живет во дворе, как и другие бродячие кошки, она настоящая аристократка. К сожалению, она долго считала меня так называемым «комнатным тигром» – избалованным воображалой, который презирает всех бродячих кошек. Конечно же, это полная чепуха! Да, я породистый кот, аристократ, но уж никак не воображала! И это огромная разница! Поэтому Кира давала мне дельные советы, как подружиться с Одеттой. И они мнегодились. Так что теперь мы с Одеттой стали почти друзьями, и когда случайно встречались во дворе, приятно болтали о разных пустяках, например о погоде или о вкусной еде. Но героем – как я мечтал и каким иногда видел себя во сне – Одетта меня точно не считала. *Пока* не считала. Но я был полон отчаянной решимости изменить эту ситуацию!

Можно ли делиться снами? И почему ты сам не можешь выбрать себе друга?

Часом позже Кира разделалась с домашними заданиями, и мы отправились в кафе-мороженое «Айсмари». Конечно, заглянули и на задний двор, как и собирались. Кира захватила угощение – миску моей любимой куриной печенки, отваренной с петрушкой. Одетта тоже ее любила – тем более что Анна приготовила печенку как раз сегодня и она была совсем свежая.

– Кис-кис-кис! – позвала Кира мою прелестную знакомую и направилась к навесу над мусорными контейнерами, обычному месту встречи дворовых кошек. Плоская крыша этого приземистого сооружения, пожалуй, была единственным местом на всем заднем дворе, где почти весь день светило солнце. Там было тепло и почти никогда не дул ветер. В общем, самое подходящее местечко для встреч и задушевных бесед.

Но на этот раз там никого не оказалось. Ни Одетты, ни ее угрюмых друзей. Я очень огорчился, что не повидался с Одеттой, а что до Чупачупса и Спайка – так хоть бы вообще никогда их не видеть. Хотя я с ними больше не ссорился, как это случилось несколько недель назад, когда я впервые спустился вместе с Кирой во двор, но добрыми приятелями мы так и не стали. Да и вряд ли когда-нибудь станем – слишком уж мы разные. Ведь я Уинстон Черчилль – немыслимо благородный кот-аристократ знаменитой породы короткошерстных британцев, с ухоженной черной шерсткой и превосходными манерами, а Спайк и Чупс, честно говоря, – обычные беспородные бродяги. Спайк довольно жирный, тигрового окраса, а Чупс – палевый, неряшливый, даже какой-то облезлый. И оба совершенно неотесанные и грубые. Меня даже удивило, как такая изысканная особа, как Одетта, могла нормально чувствовать себя в их компании. Безусловно, это делало честь ее кроткому характеру, потому что при ее несомненном благородном происхождении она была слишком уж хороша для них обоих. Значит, Одетта не только аристократка, но у нее еще и доброе сердце. Короче, она просто само совершенство! Как жалко, что сегодня я ее здесь не встретил.

– Кис-кис-кис! – еще раз позвала Кира и, поставив миску на крышку мусорного бака, обвела взглядом небольшой двор. – Ну и где же твои друзья, Уинстон?

Я вскочил на бак и, понуро опустив голову, взглянул на Киру. Она сразу все поняла.

– Ты разочарован? Тебе хотелось увидеть Одетту, правда? – Я громко мяукнул, и Кира улыбнулась. – Ладно, давай подождем еще немного. Твоя подружка почует вкусный запах и непременно явится. У нас еще есть немного времени, можно не торопиться. – Она уселась рядом со мной на ящик и почесала меня за ухом. Мяу, как здорово! Я вытянулся и запрокинул голову.

Через некоторое время в темном углу двора послышался шорох. Одетта! Это ее запах! Я быстро вскочил и попытался принять красивую позу – выпятил грудь и гордо вскинул голову. Вот теперь я, пожалуй, выглядел элегантно. Во всяком случае, надеялся, что это так!

– Привет, Уинстон, – ласково поздоровалась Одетта. – Ты что, приболел?

– А-а, привет, Одетта! Нет, я здоров. А почему ты спрашиваешь?

– Просто ты сидел как-то напряженно, и я подумала, что у тебя что-нибудь болит. Ну если нет – тогда все нормально.

Мурррр-мяу!!! Я?! Напряженно сидел?! А ведь я так старался поразить Одетту своей элегантной позой! Я разочарованно вздохнул и встряхнулся, выгнув спину дугой:

– Да нет, наоборот, у меня все замечательно. Я рад тебя видеть.

– Да, хорошо, что мы встретились. Знаешь что? Представь себе: прошлой ночью ты мне приснился!

Неужели это правда? Просто невероятно! Одетта видела меня во сне?!

– О-о, в самом деле? И что я делал? – жадно спросил я у нее.

– Хм-м, точно уже не помню, кажется, ты меня спас – то ли от чудовища, то ли от злого человека. В общем, мне грозила какая-то опасность, и ты меня выручил. Забавно, правда?

Забавно? Почему она считает это забавным? Какое-то неподходящее слово. Я считаю, что это не забавно, а просто потрясающе!

– Представь себе, Одетта, я ведь тоже... – Но не успел я объяснить ей, что видел похожий сон, как Кира отодвинула меня в сторону и взяла Одетту на руки:

– Смотри, Одетта – мы принесли тебе угощение. Моя мама сегодня сварила печенку. И, конечно, опять очень много!

Ох, Кира, ты все испортила! Мы ведь обсуждали гораздо более важные вещи, чем куриная печенка. Но момент был упущен. Одетта чинно поблагодарила Киру своим мурлыканьем и снова продолжила нашу беседу:

– О чем мы с тобой говорили?

– О твоём сне.

– Ах да, но я опять забыла, что мне приснилось. Впрочем, это не так уж и важно. – *Проклятье!!!* – Очень мило с вашей стороны, что вы принесли мне еду! К сожалению, сейчас я не очень голодна – я недавно поймала довольно жирную мышь.

Что-что? Ого! Она охотится на мышей?! Естественно, что я, домашний кот, знал об этом только понаслышке, и мне не верилось, что такая охота может доставлять удовольствие. Вот, допустим, я поймаю мышь. Но как мне добавить к ней петрушку, которая улучшает вкус любого блюда? Вот то-то и оно! Нет, уж лучше я буду есть то, что мне готовит Анна. Но, конечно, я не хотел обидеть Одетту, усомнившись в ее вкусе, и решил промолчать.

– Но я позову Спайка и Чупса. Они наверняка еще голодные.

Ну зачем их звать?! Только их тут не хватало! Но не успел я что-либо возразить, как Одетта спрыгнула с ящика и куда-то убежала. Мяу-у-у! Сегодня опять ничего не получилось! Честно говоря, у меня не было никакого желания дожидаться, когда появятся Спайк и Чупс. Я тоже спрыгнул на землю и направился в сторону улицы. Кира побежала за мной:

– Эй, Уинстон! Куда ты так помчался? Одетта ведь ничего не съела. Значит, она скоро вернется. Подожди еще немножко!

В голосе Киры слышалось разочарование. Ясное дело, ведь она хотела сделать мне приятное, накормив Одетту. Эх, как мне хотелось объяснить ей, почему я решил убежать. Раньше, когда мы поменялись с ней телами, мы легко и свободно обменивались мыслями. Теперь у нас это уже не получается. Жалко, но что поделаешь. Все равно я ни за что не согласился бы снова стать девочкой – это было слишком тяжело и утомительно. Слишком много мелкой суеты для такого кота, как я!

– Ну наконец-то вы пришли! – Том и Паули уже ждали нас. Они сидели в плетеных креслах на веранде «Айсари». Как известно, это любимое кафе-мороженое всех вильгельминцев – так называют себя учащиеся гимназии «Вильгельмина». Паули вскочила, подбежала к нам и наклонилась, чтобы подхватить меня на руки:

– Дружище, Уинстон, старина! Как давно я тебя не тискала! Я очень соскучилась по тебе.

Муррр, муррр, МУРРР! Как я переменялся. Сам себе удивляюсь. Если бы мне еще пару месяцев назад кто-то сказал, что я по доброй воле позволю какому-нибудь ребенку взять меня на руки – да-да, и что даже буду рад этому, – я бы расхохотался в лицо тому наивному существу. До того как я познакомился с Кирой и ее друзьями, я вообще терпеть не мог детей. Они казались мне слишком необузданными и горластыми. А вот теперь я вынужден признать, что моя жизнь без детей была просто скучной. Такой... ну... слишком спокойной!

– Эй вы, перестаньте сюсюкать, – вмешался Том и, наморщив веснушчатый нос, с упреком посмотрел на всех поверх своих больших очков в коричневой роговой оправе, – и хватит тискать Уинстона! Мне срочно нужно мороженое в форме спагетти и много-премного шоколадной стружки. Давайте наконец сделаем заказ. Сегодняшний день в школе выжал из меня все соки!

– Правда? – удивилась Кира. – А что с тобой случилось? У меня сегодня все было в порядке.

– Знаешь, если бы я получил по математике «хорошо» вместо «неуда», я бы тоже не жаловался. Но больше всего... – тут Том тяжело вздохнул, – меня убивает новая идея господина Преториуса – ну, та самая, насчет друзей-одноклассников. Такой бред!

Напомню, что господин Преториус преподавал биологию в 7-м «Б» и одновременно был классным руководителем. Очень приятный человек – и, естественно, большой любитель кошек, как все приятные люди! Поэтому я удивился, зачем это он придумал что-то такое, что Том назвал ужасным. Я не слишком понимал, что учитель имел в виду под друзьями-одноклассниками, но мне показалось, что идея сама по себе неплохая. И я убедился, что так считал не я один.

– Почему не нравится его идея? По-моему, она неплохая, – удивилась Паули и провела ладонями по черным как смоль волосам, торчащим в разные стороны. Паули всегда утверждала, что она панк, и это, вероятно, означало, что у нее должна быть именно такая прическа. А к прическе – рваные джинсы и майки и обведенные черным глаза. – Ведь если будет ясно, кто из одноклассников должен передать тебе классные записи, когда ты болеешь, можно хотя бы быть уверенным, что он действительно это сделает. Согласись, обычно о тебе никто и не вспоминает.

– Верно, – кивнул Том. – Я тоже ничего против этого не имею. Но я считаю глупым, что такие «друзья» выбираются по жребию. По-моему, мы должны сами это решить. Тогда у каждого появится более-менее нормальный друг.

Кира и Паули почти одновременно пожали плечами.

– Это не страшно, – возразила Кира. – В конце концов, все болеют не так часто. Так что можно спокойно взять листок с домашним или классным заданием даже для тех, кто тебе не очень нравится.

– Неужели? – Том скептически взглянул на нее. – И кто же достался тебе по жребию в друзья?

Кира немного помедлила и ответила не сразу:

– Ну-у, я вытащила Паули.

Том вытаращил глаза от удивления:

– Seriously?!

– Да, мне колоссально повезло.

– Что-что? У нас в классе двадцать восемь учеников – значит, в барабане было четырнадцать имен, – и ты вытащила именно бумажку с именем Паули?! Я просто не верю! Ты наверняка смухлевала.

Кира ничего не ответила, Паули захихикала:

– Если честно – да. Мы немного себе помогли. Сначала Кира вытащила Эмилию, но быстро бросила бумажку обратно в коробку.

Я прекрасно понимал Киру. Эмилия вместе с ее подружкой, подлой Леонией, были самыми ужасными девочками в 7-м «Б». Воображалы, ехидные, грубые – короче, не самые приятные ягодки на торте. От таких лучше держаться подальше. Мне бы не хотелось приносить домашние задания такой противной девочке, если она заболит.

– Короче, мне повезло со второй попытки, – сказала Кира. – Я вытащила бумажку с Паули. Здорово, правда?

Том снова тяжело вздохнул.

– А тебе кто достался? – спросила Паули.

Том набрал в грудь воздуха и надул щеки:

– Эмилия. Я вытащил Эмилию.

Мяууу! Клянусь своей когтеточкой! Конечно, я кот и не очень разбираюсь в таких вещах – но тут мне подумалось, что обе девочки должны как можно быстрее угостить Тома **ОЧЕНЬ** большой порцией мороженого-спагетти.

В доме появился рояль. А мужчины тоже люди

– Спасибо, господин профессор! Правда, огромное спасибо!

Ну-ну, что там такое? Кира, Паули и я зашли в нашу квартиру как раз в тот момент, когда Анна бросилась Вернеру на шею. Вообще-то ей не были свойственны такие порывы. Насколько я могу судить, Вернер и Анна всегда общались сдержанно, сохраняя дистанцию. Нет, не подумайте, что они испытывали неприязнь друг к другу. Наоборот – на мой взгляд, между ними было нормальное взаимопонимание. Но, насколько я знаю старину Вернера, он всегда ужасно робел, если ему кто-то нравился. А мне кажется, что Анна ему очень нравилась. С тех пор как у нас поселились Анна с Кирой, мой профессор очень изменился – во всяком случае, он вел себя иначе, чем все предыдущие годы. Например, он стал больше следить за своей внешностью. Конечно, Вернер всегда был аккуратистом, но в последнее время он проводил перед зеркалом подозрительно много времени. Свои каштановые локоны с седыми прядями он зачесывал то на одну сторону, то на другую, хотя это было абсолютно бессмысленно, потому что для его шевелюры было безразлично, как лежали локоны: она все равно выглядела всклокоченной. Кроме того, с недавних пор Вернер стал придирчиво относиться к своей одежде. Если ему не нравилось то, что он видел в зеркале, он немедленно переодевался. Это была абсолютно новая привычка! По крайней мере, когда экономкой у нас была Ольга, сестра Анны, он никогда этого не делал. Уж я-то знаю!

А теперь меня очень заинтересовало, почему Анна с таким восторгом обняла моего хозяина. Ее лицо все еще сияло радостью, а Вернер стоял немного смущенный. Я подбежал к ним и наострил уши.

– Что вы, Анна, не стоит благодарности. Мне было бы жаль, если бы этот великолепный рояль превратился в ненужную мебель. В общем, я буду только рад, если вы иногда будете играть на нем.

Ах вот оно что! Они говорили о смешной и неуклюжей штуке, которая появилась у нас недавно и заняла половину нашей гостиной. О *рояле*. Рояль – смешное название, правда? Если я правильно понял, то Эрика, мать Вернера, переехала из большого дома в небольшую квартиру и не могла взять с собой это чудовище. Из всех ее детей самая большая квартира оказалась у Вернера, вот нам и достался этот великан. Вероятно, он дорогой, и поэтому его нельзя выбросить, как выбрасывают другую мебель. И вот этот рояль испортил нашу прекрасную гостиную. Ведь Вернер у нас совершенно немзыкальный.

Кира кашлянула:

– Привет, мам, здравствуйте, господин Хагедорн! Я пригласила к нам Паули – надеюсь, вы не возражаете? У нас не было последнего урока, Паули забыла сегодня ключи, а ее мама еще не вернулась домой.

– Нет проблем, – буркнул Вернер.

Анна кивнула.

– Я все равно наготовила слишком много всего, – сказала она и засмеялась. – Теперь нужно, чтобы кто-нибудь помог нам все это съесть.

– Супер! Спасибо!

Мы двинулись дальше, держа курс на комнату Кире. Поначалу Кира и Анна поселились в гостевой комнате. Но когда стало ясно, что они останутся, Вернер перенес свой письменный стол из просторного кабинета в маленькую комнату рядом с кухней. Прежде это была кладовка с одним окном, но теперь, отремонтированная и покрашенная, комната выглядела очень прилично. Кира осталась в гостевой комнате, Анна поселилась в бывшем кабинете профессора, а сам Вернер был доволен, что работал теперь поблизости от холодильника: когда он размышлял над какой-нибудь безумно сложной физической проблемой, ему часто срочно требовались йогурт или бутерброд с колбасой. Только у меня ничего не изменилось и моя корзинка по-прежнему стояла в длинном коридоре наискосок от входной двери.

Удивительное дело, но Вернер даже не жалел о своем кабинете. Наоборот, когда переставили всю мебель, он заявил, что кабинет все равно был для него слишком велик и что теперь все в порядке. Кто бы мог подумать, что Вернер на старости лет обзаведется семьей!

Девчонки пришли в комнату Кире и рухнули на кровать. Я выждал минутку, но потом тоже вскочил туда и улегся рядом с ними.

– Скажи, что, твоя мама и профессор Хагедорн теперь... ну... вместе? – спросила Паули.

– Не-ет! С чего ты взяла? – удивилась Кира.

– Ну, понимаешь, мне так показалось. Они выглядят людьми, которые очень хорошо относятся друг к другу.

– Ясно, что у них хорошие отношения. Но они не вместе. Профессор нравится маме как хороший человек. Не как мужчина.

Святые сардины в масле! Опять этот типичный человеческий язык! Мужчина или человек – какая разница? Ведь мужчины тоже люди, разве нет? Впрочем, по-моему, Паули тоже удивилась такому объяснению: она наморщила лоб и сказала «Ага».

Кира вздохнула:

– В общем, Паули, дела у нас такие: после неудачи с ее бывшим другом Вадимом мама даже слышать не хочет о мужчинах. По-моему, она очень рада, что снова осталась одна.

Слова Кире меня обрадовали. Как можно вообще сравнивать Вернера с Вадимом?! Вернер очень добрый, приятный и заботливый, да к тому же еще и профессор. Вадим, наоборот, неприятный, грубый – в общем, опасный преступник. Но сама по себе новость неплохая. В конце концов, ведь Ольга, Аннина сестра, бросила нас, потому что влюбилась в некоего Дитера и переехала к нему в далекий город под названием Кёльн. Только поэтому Вернер нанял Анну. И будет очень плохо, если и Анна тоже влюбится в какого-нибудь мужчину и мы с Вернером снова останемся одни. Тем более что у Ольги с Анной больше нет сестер. К тому же тогда от нас уедет и Кира, а это будет вообще катастрофа – ведь теперь мы с ней стали лучшими друзьями. Короче, очень хорошо, что Анна ничего не хочет слышать о мужчинах. Другое дело – если бы она влюбилась в профессора. Тогда бы они с Кирой точно не уехали. Но если Кира права и Анна действительно не хочет больше никаких отношений с мужчинами, значит, у нас все останется по-прежнему. Вот и замечательно. А что касается меня, то я никогда не любил никаких перемен в жизни.

– Значит, все мужчины свиньи? – захихикала Паули.

Что?! Свиньи?! На четырех ногах и с пяточком?! Почему она так решила? То, что люди, особенно девчонки, бывают козами, я уже понял, даже на собственном опыте – но вот чтобы мужчины оказались свиньями?! Причем Паули произнесла эти слова с легким презрением! Зачем ссылаться на животных, когда речь идет о неприятных качествах людей? Это как-то неблагородно!

Кира покачала головой:

– Нет, все не так. Я уже сказала, что как человек Вернер ей нравится. Да и вообще мама в целом ничего не имеет против мужчин. Она только против мужчин как мужчин.

Ах, опять эта сложная человеческая логика! Какая-то бессмыслица! Мужчины ведь тоже люди, мяу!

– Моя мама с огромным удовольствием вышла бы замуж, – сказала Паули. – Правда, она редко говорит об этом, но я знаю, что ей этого хочется. Каждый раз, когда на ее горизонте появляется какой-нибудь более-менее привлекательный мужчина, она начинает сильнее краситься. Ну и старается модно одеваться. Кроме того, она выставила свои данные в Интернете на Бирже контактов, где можно познакомиться с другими одинокими людьми. – Паули захихикала. – Но это огромный секрет. Она ничего мне об этом не рассказывала, просто я увидела это в ее компьютере.

Биржа контактов в Интернете? Интересно, что это такое? Мне всегда казалось, что Интернет – это такое место в маленьком телевизоре, который называется компьютер. Кира заглядывала при мне в Интернет, когда делала домашнее задание за письменным столом Анны. Она искала там решение задач по математике. Тогда Интернет показался мне чем-то наподобие словаря. Уж никак не местом, где можно гулять. Как там можно с кем-то познакомиться?!

– Правда? – Теперь захихикала и Кира. – Твоя мама подыскивает себе кого-нибудь?

– Да. – Паули кивнула. – По-моему, ей хочется снова влюбиться. По-настоящему.

Хм, интересно! Я до сих пор так и не могу понять, что такое для людей любовь. Мы все живем в одной квартире, хорошо относимся друг к другу – неужели этого недостаточно? И как можно познакомиться с кем-то в компьютере, да еще влюбиться, хотя ты вообще ни разу не встречался с этим человеком? Нет, все-таки я ничего не понимаю. Честно признаюсь: я очень рад, что мой Вернер не особо интересуется этими штучками про любовь. По-моему, любовь – это что-то очень сложное, и нам здесь это абсолютно не нужно. Лучше уж мы будем и дальше мирно жить все вместе в нашем доме на Хохаллее – мяу!

– После того как мой отец снова женился, эта тема стала для мамы актуальной, – продолжала Паули. – Она ужасно злилась на него, а теперь, наверное, завидует.

– Хм, – неопределенно хмыкнула Кира.

Паули задумчиво посмотрела на нее:

– А где твой отец? Он тоже живет в Гамбурге?

Кира соскочила с кровати и пожала плечами:

– Понятия не имею. Думаю, нет. Мама никогда о нем не говорит. Он бросил нас, когда я была совсем маленькой. Я его почти не помню.

– Ты скупаешь по нему? – с любопытством спросила Паули.

Кира покачала головой:

– Не-а. Я ведь сказала: я почти ничего о нем не знаю. Ну совсем чуточку – вот как вспоминаешь утром сон, который тебе приснился ночью. Вспоминаешь – и не можешь ничего толком вспомнить. Что-то было когда-то, но уже не помнишь никаких подробностей.

– Ну да, впрочем, это уже не важно. Иногда я думаю, что было бы намного проще, если бы у ребенка с самого начала был только кто-нибудь один из родителей. Тогда обстановка в семье была бы более мирной. Ведь он или она не будет ругаться сам с собой, верно? И в этом большое преимущество такой ситуации! – Слова Паули звучали убедительно.

– Да, – согласилась Кира, но ничего к этому не добавила.

Мне показалось, что ей просто не хотелось больше говорить на эту тему. Интересно почему? Ведь обычно ее не назовешь молчаливой. Мне стало любопытно, и я попробовал представить себе, как может выглядеть Кирина отец. Вообще-то Кира похожа на мать: стройная и светловолосая, с голубыми глазами. Забавно, что они остались такими же, когда она оказалась в моем теле, а я, превратившись в девочку, сохранил свои зеленые глаза, глаза кота Уин-

стона. Нам тогда приходилось проявлять адскую осторожность, чтобы Анна ничего не заметила, иначе она бы сразу поняла, что с нами что-то не так. Поэтому я чаще всего выходил к завтраку в темных очках. Но это так, к слову пришлось... в общем, мне стало интересно, что именно Кира унаследовала от своего отца. Возможно, привычку склонять голову набок? Анна никогда так не делает. Или легкую волнистость на ее длинных волосах? Ведь у Анны совершенно прямые волосы.

– Давай займемся домашним заданием, – заявила наконец Кира, окончательно меняя тему. – Надо подналечь на английский – на следующей неделе у нас будет контрольная.

– Да, верно, – кивнула Паули. – Моя последняя работа была далеко не блестящая, почти такая же плохая, как у Эмили, а та вообще ничего не сообщает в английском. – Она захихикала. – Вот уж не повезло Тому! Ведь он теперь должен помогать ей с домашним заданием.

– Угу, и теперь меня мучают угрызения совести, – призналась Кира. – Ведь я схитрила при жеребьевке. Надеюсь, Том не очень обиделся на нас.

Паули пожала плечами:

– Ничего, переживет.

– Нет, все равно – мне было стыдно, когда мы сказали ему об этом.

– Ладно, я придумала. Знаешь, что мы сделаем, чтобы он не обижался? Когда ему в первый раз придется навещать Эмилию, мы пойдем вместе с ним. Только я надеюсь, что это будет не скоро.

Кира рассмеялась:

– Наверняка не скоро. По-моему, Эмилия никогда не болеет. Ты ведь знаешь – зараза к заразе не пристаёт.

Потом девочки целый час занимались тем, что спрашивали друг у друга английские слова. Скууука! Единственное, что меня порадовало: я узнавал некоторые из этих слов, потому что выучил их, когда находился в Кирином теле. Тогда я чуточку знал английский. Вообще, когда я был человеком, я неожиданно для себя обнаружил, что умею читать, писать и считать. И оказывается, я не утратил этой способности и после того, как снова вернулся в свое кошачье тело. Так что я, возможно, единственный кот на свете, умеющий читать. Сенсація! Увы, ее никто не сможет оценить. Моих кошачьих сородичей это совершенно не интересует, а людям я уже никогда не смогу об этом рассказать. Даже Кире, потому что мы с ней больше не можем читать мысли друг друга. Мяу! Как горько и несправедливо жить на свете непризнанным гением!

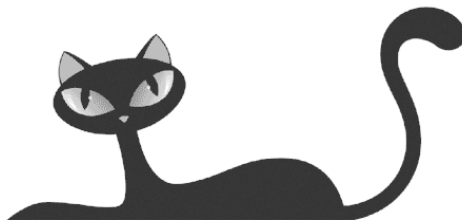
Короче, мне стало скучно. Я поплелся к окну и улегся на подоконнике. Я люблю лежать там ранним вечером и наслаждаться последними лучами солнца. Оконная створка была открыта сверху, и в комнату струился теплый воздух. Красота! Какой глупец захочет стать человеком, если он может быть котом!

Вскоре я уже стал погружаться в сладкую дрему. Внезапно громкий скрежет вернул меня к суровой действительности. Что такое? Что-то случилось? Скрежет затих, но его тут же сменили отчаянное мяуканье и шипение. Ужас, да и только! Я испуганно посмотрел в окно. Во дворе ничего не изменилось. Во всяком случае, ничего страшного я там не обнаружил. Но горестное мяуканье не замолкало. Наоборот, кошачьи вопли звучали все громче. Святые сардины в масле! Там творилось что-то ужасное! Надеюсь, не с Одеттой!

Я прижался ухом к оконной щели, чтобы лучше слышать. И действительно: это был голос Одетты. У меня мгновенно шерсть встала дыбом, а по позвоночнику до самого кончика хвоста пробежала дрожь. Я не мог разобрать, что говорила Одетта, но по ее интонации понял, что ей было очень страшно. Ясное дело: я должен выручить ее из беды! А для этого мне надо было попасть во двор – и НЕМЕДЛЕННО!

Как я поступил правильно и все равно очутился в мусорном баке

Сильными задними лапами я оттолкнулся от подоконника и одним прыжком перелетел через всю комнату. Выскочив в коридор, я помчался в гостевую спальню, где Кира и Паули все еще занимались английским. Там я с громким мяуканьем бросился к ногам Киры. *Девчонки, откройте мне дверь! Скорее выпустите меня на улицу!*

Но Кира не только потеряла способность читать мои мысли – она еще явно не обращала внимания на мой выразительный и высокоинтеллектуальный язык жестов. Вместо того чтобы поскорее побежать со мной к входной двери и открыть ее, она наклонилась и взяла меня на руки:

– Уинстон, неужели ты снова просишь есть? Ты ведь только что ел. И вообще, нехорошо попрошайничать.

Мишaaaaаооооууууууу! Я не голодный! И я НЕ попрошайничаю! Кира, ведь ты должна меня понимать! Мне нужна помощь, НЕМЕДЛЕННО! Я предпринял еще одну попытку – на этот раз, слегка выпустив коготки, попытался вырваться из Кириных объятий и как-то заставить ее выйти из комнаты. Конечно, это была безнадежная затея, но ведь мне надо было как-то втолковать ей, что мне нужно.

Все напрасно: Кира лишь хихикала и еще крепче прижимала меня к себе.

Паули с любопытством смотрела на меня:

– Знаешь, если бы Уинстон был собакой, я бы решила, что он просится гулять.

Во-первых, что за мегабесстыдство! Я вовсе не собака! Во-вторых, абсолютно верно! *Ну-ка, Кира, прислушайся к своей подружке и выпусти меня!*

Кира пожала плечами и поставила меня на пол:

– Ну, раз ты так считаешь...

Как только мои лапы коснулись пола, я стремительно помчался из комнаты и остановился возле входной двери. Кира с Паули побежали следом за мной и на этот раз, кажется, действительно поняли мою просьбу. Наконец-то! Едва Кира открыла дверь, как я бросился вниз по ступенькам. Там мне повезло: дверь подъезда была открыта настежь, потому что Клаус-Дитер, бородатый стоматолог с третьего этажа, в эти минуты неторопливо выгружал возле двери свои еженедельные покупки, а потом затащил в дом свой велосипед. Ура! Я выскочил из подъезда и, свернув за угол, стремительно помчался на задний двор.

Там я стал сразу искать Одетту. Но ее нигде не было, я больше не слышал и мяуканья. Не зная, что делать, я уселся в центре двора и еще раз огляделся по сторонам. Никого и ничего.

Или все-таки... Мне показалось, что от мусорных баков доносится тихое повизгивание. Я подбежал к ним и прислушался. В самом деле!

– Одетта! – позвал я. – Ты здесь?

Послышался шорох, потом из щели между двумя контейнерами выползла Одетта. Выглядела она ужасно: белая шерстка слиплась от грязи, а пахло от нее так, что у меня перехватило дыхание.

– Одетта! Святые сардины в масле! Что произошло?

Одетта села рядом со мной. Я видел, что она совершенно обессиленна, ее даже пошатывало от усталости.

– Уинстон, тебя прислали мне небеса!

Что ж, такое приветствие мне по вкусу. Как раз что-то в этом роде я и мечтал услышать. Я принял гордую позу. Раз уж я герой, то и выглядеть должен соответственно!

– Чем я могу тебе помочь? – спросил я, стараясь, чтобы в моем голосе звучала скрытая сила.

– Чупс упал в контейнер и застрял там. Я уже пыталась его вытащить, но даже не смогла до него добраться. Его зажало между стенкой контейнера и деревянным ящиком из-под фруктов, и он еле дышит. Все это просто ужасно! Но, может, вдвоем мы сможем его освободить?

Ах вот что. Речь шла об этом облезлом коте. Я почувствовал, как вся моя решимость куда-то улетучилась. Короче, Одетте я бы помог всегда и везде, несмотря ни на какие трудности и опасности! А что мне этот противный палевый бродяга? Почему я должен ради него лезть в темный и вонючий контейнер? Мяу, я как-то совершенно не готов к этому!

– Хм-м, а куда делся Спайк? – пробормотал я, нащупывая пути к отступлению. Вот он пускай и поможет своему приятелю!

– Понятия не имею. Сегодня я его не видела. Возможно, хозяйка повезла его к ветеринару.

– Ах так... Ну, так он наверняка скоро появится снова. В общем, я... э-э... – Я тянул время и обдумывал, как мне сообщить Одетте, что у меня нет никакого желания нырять ради этого кота в мусор и вонючую грязь.

– Скажи-ка мне, неужели ты намекаешь на то, что я должна ждать Спайка? Потому что ты не хочешь нам помочь? – В голосе Одетты я услышал огромное разочарование.

– Э-э... нет... я только подумал... э-э...

– Уинстон, Чупс нуждается в помощи НЕМЕДЛЕННО, не когда-нибудь потом. А Спайк все равно слишком толстый – он туда просто не пролезет! Ну-ка, давай прыгнем вместе в контейнер и попытаемся как-нибудь отодвинуть деревянный ящик.

Я глядел то на Одетту, то на контейнер, не зная, что и ответить.

– УИНСТОН! – возмущенно прошипела Одетта. – Наш сородич попал в беду! Ты только послушай – Чупс уже еле дышит! Я знаю, что вы друг с другом не очень ладили. Но если кто-то оказался в трудном положении, ему необходимо помочь. Не потому, что он тебе нравится. А потому, что просто надо всегда поступать правильно! Понятно тебе?

Я ничего не ответил и только вздохнул. Незаметно для Одетты, чтобы она не рассердилась еще сильнее. Ну что ж, значит, сейчас надо прыгнуть в мусорный бак! Я уже направился было туда, но тут мне пришла в голову более удачная мысль.

– Подожди, Одетта, я придумал! Кира и ее подруга сейчас сидят у нас и учат уроки. Они только что выпустили меня, потому что я устроил настоящий спектакль, когда услышал твое мяуканье. Вероятно, им стало любопытно, почему я так упорно просился на улицу. Сейчас я быстро сбегая наверх и выманю их сюда. Для них-то это чепуха – они моментально освободят беднягу. Просто ему надо будет помяукать, когда они подойдут к контейнерам, понятно? В общем, ты объясни ему это, а я сбегая за девочками.

Одетта с сомнением посмотрела на меня, но потом согласилась.

– Ладно, возможно, ты прав и нам нужна помощь людей. Я сейчас полезу в контейнер и все объясню нашему другу. А потом останусь с ним. Сейчас ему очень нужно, чтобы рядом с ним был кто-то из друзей.

– Правильно, так и сделай. А я мигом!

Я побежал к двери подъезда, надеясь, что Клаус-Дитер все еще возится с велосипедом.

Но увы, он уже закончил свои дела, и дверь была закрыта. Перед ней остались только сумки с покупками. Киры и Паули в окне я тоже не увидел. Их не интересовало, куда я пошел. Проклятье! Как же мне войти в дом? Я принял решение лечь на коврик и ждать. Наверняка сейчас появится Клаус-Дитер, чтобы забрать свои покупки. Ладно, Чупс действительно оказался в ужасном положении, но у нас еще есть время. Можно подождать.

Но уже через две секунды я понял, что времени точно не осталось. Потому что в этот момент во двор соседнего дома въехала огромная машина. Это ведь... МУСОРОВОЗ!!! Ох, не может быть! Сейчас он заберет мусор у соседей, потом заедет к нам во двор и опустошит наши контейнеры! А в одном из них бедняга Чупс и... ОДЕТТА!

Ужас пронзил меня словно электрический ток. Я тут же вскочил и, чуть было не спихнув со ступенек все покупки Клауса-Дитера, помчался во двор, к мусорному контейнеру, – и действительно прыгнул в него. Меня тут же окружила отвратительная вонь. Но, к моему облегчению, лапы наткнулись на какую-то мягкую подушку, а не на острую железяку и не на стекляшку.

– Мяу! – нет, это была не подушка, а Одетта!

– Почему ты здесь? И где Кира? – спросила она. – По-моему, Чупс уже потерял сознание.

– Одетта, у нас нет времени! Скоро приедет мусоровоз и опрокинет этот контейнер вместе со всем, что тут есть, в свои недра. Я часто вижу из окна, как он это делает. Поверь мне, туда лучше не попадать! Там работает пресс!

– Но как же Чупс? Как быть с ним? Мы же не можем его бросить!

– Подожди, я посмотрю. – Я протиснулся мимо Одетты и пролез глубже в контейнер. Откуда-то снизу я услышал тихий стон. Там было совершенно темно, но, присмотревшись, я различил очертания кошачьей спины и хвоста. Чупс действительно был зажат между ящиком и стенкой контейнера, а на его спине лежало что-то вроде увядшего букета или листьев салата. И кругом эта отвратительная вонь! Брррр!

Я пробрался к нему и встряхнул его. Никакой реакции. Святые сардины в масле! Быть такого не может! *Очнись, Чупс!* Я потряс его снова – без результата. Я уперся в ящик, толкнул его, но он не сдвинулся ни на миллиметр. *Черт, черт, черт!*

– Что там у тебя? Ты вытащишь его? – крикнула мне Одетта сверху.

– Не-ет, никаких шансов! Как он вообще сюда попал? Как его угораздило прыгнуть в мусорный бак вниз головой?

– Он хотел достать бутерброд с мясным фаршем, который кто-то бросил в бак. От него так вкусно пахло.

– *Вкусно пахло?!* Интересно, как он ухитрился вообще что-то учуять в этой вонь. Но ладно, мы должны срочно что-то придумать, пока не...

В этот момент раздался грохот, и нас с Одеттой сильно потрянуло вместе со всем неаппетитным содержимым контейнера.

– Одетта, это приехали мусорщики! Выпрыгивай скорее!

– Но как же Чупс?

– Я помогу ему. Скорее, беги!

Она медлила.

– Одетта, ты все равно мне тут не поможешь, так что лучше не мешай. Прыгай! – Знаю, я говорил полную чепуху – как она могла мне помешать? Но мысль о том, что она тоже попадет под пресс в мусоровозе, была мне невыносима. Лучше уж я изображу из себя героя и погибну вместе с этим облезлым растяпой. Задние лапы Одетты, которые опирались на мой хребет, исчезли.

– Эй, что ты там делаешь? – услышал я удивленный мужской голос. Это был мусорщик. – Крепкие у тебя нервы, кошка! Еще две минуты – и ты попала бы под пресс! Ну-ка, беги отсюда скорее!

МЯУ! Под пресс?! Этого еще не хватало! Мне это не нравится! Ужасно не нравится! Я почувствовал, как меня охватила паника. Спокойствие, Уинстон, сказал я себе. Ты должен сделать то, что считаешь правильным! Я снова напряг все силы, нырнул глубже и толкнул деревянный ящик. Никаких шансов! Бесполезно. Мои передние лапы оказались недостаточно сильные. Вот если бы у меня были такие же мощные руки, как у мусорщика, тогда...

Минуточку! Вот что я сделаю! Я выбрался из мусора и вскарабкался на край контейнера. И тут же увидел перед собой лицо человека, который собирался вытащить контейнер из-под навеса.

– Смотри, Герд! – крикнул он. – Еще одна кошка! С ума сойти – что они там делали в мусоре? – Он хотел схватить меня, но я увернулся и зашипел. – Эй, кисонька, вылезай, иначе скоро превратишься в прессованный комок шерсти. – Он схватил меня за шкуру, но я крепко вцепился в верхний край контейнера. Ха! Так просто меня не возьмешь! Я верю в свои когти – когда я спасался бегством от маленьких негодников, племянницы и племянника Вернера, я сдергивал когтями с окна тяжелые шторы!

– Ты погляди, Герд, эта дуреха очень хочет попасть под пресс! Я никак не могу вытащить ее из бака!

– Да? – ответил второй голос, очень густой бас. – Возможно, там в баке что-то есть. Должна же быть причина, по которой кошка не хочет вылезать.

Молодец, двуногий! Сто очков! Клянусь своей когтеточкой! Я как можно выразительнее замыкал, замурлыкал и зашипел, пытаясь показать этому человеку, что он мыслит в правильном направлении. И снова полез в глубь контейнера. *Ну, давайте! Покопайтесь там, где я!*

И мусорщики действительно от любопытства заглянули в контейнер. Я прижался к ящику и попытался вытащить наверх хвост моего бывшего недруга, чтобы они его увидели. Правда, для этого мне пришлось взять в зубы кочан салата и откинуть его в сторону – но мне было уже все равно! Ничто не могло остановить Супер-Уинстона в его стремлении спасти из беды кота!

– Эй, Мурат, там и впрямь есть что-то еще. Господи, еще одна кошка! Я вижу ее хвост.

Я чуточку подвинулся, чтобы Герд и Мурат получше все разглядели. Герд осторожно отодвинул в сторону тяжелый ящик и потянул на себя палевого кота.

– Ой, да она тут застряла. Ну-ка приподними ящик.

Ящик схватили, дернули и вытащили из бака. Круто! Я восхищен тем, что люди могут делать своими руками! Когда я был в теле Киры, мне это умение тоже очень нравилось. Я громко замурлыкал, выражая свою благодарность.

– Гром и молния! Кажется, черная кошка пыталась спасти эту, которая застряла. – Мурат озадаченно почесал затылок. – Видишь, оказывается, у зверей тоже бывает дружба.

Герд солидно кивнул:

– Да, действительно интересный случай. – Он погладил меня по голове. – Молодчина, ты помогла своей подруге. Видно, вы с ней очень дружны!

Иногда можно найти друга по пути в ванную

Да-да, знаю, пожалуй, мне не следовало после той спасательной операции, выбравшись из мусорного бака, сразу шлепаться на белые диванные подушки – но я так выбился из сил, что мне срочно требовался отдых. К тому же чехлы можно выстирать, и они станут как новенькие и больше не будут вонять помойкой. Короче, на мой взгляд, не было никаких причин для скандала, который устроила Анна. А она его устроила – встав возле дивана, размахивала пальцем перед моим носом и ругалась так, словно я забыл про свой лоток и нагадил по всей квартире.

– Уинстон, я просто не узнаю тебя! – возмущалась она. – Что у тебя за вид? Зачем ты вывалился до такой степени в какой-то гадости, а потом прыгнул на красивый диван? Как я теперь удалю все эти пятна? – Она наклонилась ко мне. – ФУ!!! Как от тебя воняет! Ты что, вывалился в мусорном баке?! Это невозможно! Просто невозможно!

Ладно. Посплю где-нибудь еще. Спрыгну с вашего дурацкого дивана! И только я собрался перейти куда-нибудь в другое место, как Анна крепко схватила меня за шкурку. *МЯУ! Зачем так грубо?!*

– Останься здесь, мой дорогой! Если ты думаешь, что я позволю тебе загадить всю квартиру, то ты ошибаешься. Прежде всего тебя нужно искупать! Пошли в ванную.

МЯАУУУ! Купаться?! Ни за что! Вероятно, Анна пошутила! Вернер никогда меня не купает, и это замечательно. Я ненавижу воду! Моя шерстка намокает до предела, и это так ужасно, что дальше некуда. До сих пор я всего однажды познакомился с ванной, и это было невыносимо. Меня сунула туда мать Вернера, когда я, еще будучи котенком, залез в кадушку с цветочной землей и стал похож на венский шницель. То есть я не стал таким плоским, как шницель, но оказался в такой же панировке. Во всяком случае, тогда в ванне я чувствовал себя беспомощным и беззащитным, а вдобавок потом от меня еще ужасно воняло розами – это фрау Хагедорн помыла меня своим розовым гелем. Короче, мне не хотелось испытать это приключение еще раз, и поэтому я стал отчаянно вырываться из рук Анны.

– Уинстон Черчилль, пожалуйста, не брыкайся!

Мяау! Когда Анна называет меня полным именем, я понимаю, что ситуация серьезная. Я моментально прекратил сопротивление и последовал древней кошачьей мудрости: никогда не следует вступать в конфликт с особой, от которой зависит, как плотно ты сегодня поешь!

Смирившись со своей участью, я повесил голову и приготовился к роковой встрече с водой. Но тут в дверь позвонили.

– Ой, кто это может быть? – Анна отпустила меня и открыла дверь. Я с любопытством выглянул из-за ее ног. За порогом стояли Герд и Мурат! У них на руках был Чупс! Кажется, он все еще не пришел в себя.

– Э-э... ну-у... добрый день, – Герд неуверенно поздоровался с Анной. – Моя фамилия Кёстер, а это мой коллега Чифтчи. В вашем дворе мы обнаружили в мусорном баке больную кошку. Вероятно, она там застряла и не смогла самостоятельно выбраться. Теперь мы ищем ее хозяина. Ваша соседка сверху сказала, что у вас есть кошка...

Анна открыла дверь пошире и посмотрела на палевого кота. Чупс лежал на руках у Мурата как тряпка.

– Ой-ой, он выглядит совсем неважно! Но это не наш кот, потому что наш...

Не успела она договорить эту фразу, как Герд заглянул в дверь и показал на меня:

– Вот! Эта кошка спасла свою подружку! Я не ошибаюсь: именно она!

Анна озадаченно посмотрела на Герда, а я попытался спрятаться за ее ногами. Безуспешно – потому что у Анны слишком стройные ноги.

– Точно, – подтвердил Мурат. – Дело было так: мы уже хотели выгрузить мусорный контейнер в машину, но тут из него выскочила эта черная кошка. Точнее, не выскочила, а выглянула. Но не хотела вылезать, как мы ее ни шугали. Вцепилась в бак, и все тут! И тогда мы увидели, что за ней есть еще одна кошка. А иначе мы бы ее не увидели – так глубоко она застряла в мусоре. – Герд кивнул.

– Когда мы вытащили ту кошку из мусора, эта черная прыг! – выскочила из бака и убежала.

Это точно. Когда мусорщики спасли Чупса, я уже не видел смысла торчать там. Чем я еще мог ему помочь? Разве что поддерживать его, чтобы он стоял на своих четырех лапах? Короче, я поскорее смылся оттуда, пока кому-нибудь не пришла в голову мысль отвезти меня вместе с ним к ветеринару или – что еще хуже – отдать в приют для животных.

Кошачий бог мне благоволил – Клаус-Дитер как раз в это время забирал свои покупки с улицы и открыл входную дверь, да еще Кира с Паули не закрыли дверь нашей квартиры – оставили для меня щелочку. Вот так я и вернулся в нашу чудесную безопасную квартиру и лег на чудесный безопасный белый диван. И все было бы замечательно, если бы Анне не пришла в голову мысль меня искупать. *Мяаааууу!* Остальное вам уже известно. И вот теперь я сидел в коридоре перед двумя мусорщиками, и Анна глядела на меня так, словно у меня минимум две головы.

– Уинстон, ты спас другую кошку? – недоверчиво спросила она, и ее интонация мне не очень понравилась. *Да, почему бы и нет?* – мог бы я возразить ей, если бы умел говорить. Но я не умел и поэтому ограничился лишь солидным и полным собственного достоинства «мяу».

– Та-ак, – вздохнул Герд. – Что же нам делать с палевой кошкой? Раз она не ваша, тогда мы, пожалуй, сдадим ее в приют для животных.

ШШШШШ! При одном лишь упоминании о приюте для животных у меня шерсть встала дыбом от головы до кончика хвоста. Сам я еще никогда там не был – но все, что мне удалось услышать об этом месте, было просто УЖАСНО! Это огромный дом, где много кошек. В том числе и таких, которых я просто не переносу. Там у тебя НЕТ собственного дивана. НЕТ собственной точилки для когтей. Да что там – НЕТ даже собственной миски для еды! Ладно, это еще можно пережить – но там невероятно шумно и туда постоянно приходят совершенно чужие люди, которые могут взять тебя в совершенно чужой дом! Разве это не ужасно? Короче, я бы не пожелал этого и своему злейшему врагу, а ведь Чупс мне не злейший враг. Я не пожелал бы этого даже подлой Леонии! Впрочем, она, по понятным причинам, никогда не попадет в приют для животных. Хотя она такая противная коза и ей там самое место!

Так что мне уж точно не хотелось, чтобы Чупс оказался в приюте, поэтому я шипел все громче и даже отважился, выскочив из своего укрытия, подбежать к Мурату, который все еще держал Чупса на руках.

– Эй, малыш, кажется, тебе не очень нравится приют для животных, – заключил Мурат и ухмыльнулся. Я удивился: что в этом смешного?! ШШШШШ!

Анна протянула руку и погладила Чупса по голове.

– А вообще-то я тебя знаю. Ты всегда бегаешь во дворе. – Она обратилась к Мурату и Герду: – Моя дочка Кира иногда подкармливает бездомных кошек. Кажется, я видела, что этот несчастный котик приходит откуда-то из соседних домов. Я могла бы спросить у нее, но сейчас она провожает домой подружку. Предлагаю сделать так: вы оставите этого кота здесь, я съезжу с ним к ветеринару и спрошу у дочки, знает ли она, чей он. Если нет, тогда Кира повесит в соседних домах объявления с его фотографией. Я уверена, что его хозяин найдется. Долго он у нас не задержится.

Мусорщики одобрительно кивнули:

– Да, похоже, это удачная мысль.

Анна улыбнулась:

– А ты, Уинстон? Ты тоже согласен с этим?

Я замурлыкал, подтверждая свое согласие.

Мурат и Герд от удивления вытаращили глаза:

– С ума сойти можно! Неужели он вас понял?

– Конечно. – Анна кивнула. – Уинстон очень-очень хитрый кот. Я уверена, что он понимает каждое наше слово. Я не удивлюсь, – захихикала она, – если обнаружится, что он даже умеет читать и писать.

Знала бы Анна, как она права!

– Что ж, тогда возьмите его. – Мурат осторожно передал Чупса на руки Анны. Тот лишь чуточку приподнял голову и жалобно застонал. Святые сардины в масле! Надеюсь, с ним не случилось ничего серьезного.

Мусорщики попрощались и ушли. Анна закрыла дверь и пошла с котом на руках в гостиную.

– Вот что, мой дорогой: диван все равно грязный, так что можешь тут полежать. – Она положила его на диванную подушку, куда светили ласковые лучи солнца. Великолепная идея! Гораздо лучше, чем затея с ванной и мытьем! Прыжок – и я улегся рядом с ним. Прекрасно!

– Эй, Уинстон, постой-ка! К тебе это не относится! Мы ведь с тобой шли в ванную. Так что давай.

ЧТООО?! Клянусь своими роскошными усами – это вопиющая несправедливость! ЭТОТ Чупс будет лежать на МОЕМ диване, а мне надо идти мыться?! Если бы я знал, я бы не стал спасать его от приюта для животных! Я даже задохнулся от возмущения и надеялся, что Анна заметила это.

Но она не обратила внимания на мою реакцию. Вместо этого она оторвала мои когти от мягкой и теплой подушки, с которой я не хотел расставаться, и зажала меня под мышкой. Сопротивляться было бесполезно! Я проклинал тот день, когда появился на свет в образе короткошерстного британца и поэтому был таким мелким и беззащитным. По крайней мере, по сравнению с нашей решительной экономкой.

– Эй, дружище! – Что такое? Я повернул голову – неужели ко мне обратился Чупс? Да, в самом деле, он по-прежнему лежал чуть живой, но все-таки поднял голову. – Огромное спасибо! Ты спас меня. Сначала от мусоровоза, потом от приюта для животных. Послушай, ты настоящий друг. – Сказав это, он снова уронил голову и закрыл глаза.

Не знаю почему, но внезапно у меня в груди и в животе разлилось приятное тепло. Мне стало хорошо. Очень хорошо. Какой удачный день! У меня появился новый друг! Святые сар-

дины в масле, как много всего изменилось после моего прыжка в мусорный контейнер! Ладно, пускай Анна меня моет. В общем-то, мне наплевать. Впрочем, нет, так даже лучше! Клянусь своей когтеточкой! Ради дружбы я готов и к страданиям!

Как я оказался на досках, которые означают весь мир

– Ура, я справилась с контрольной по английскому! – Кира вернулась домой и радостно швырнула в угол свой портфель. При этом едва не прихлопнула меня – я в панике еле-еле успел отскочить в сторону. Святые сардины в масле! В моем собственном доме в меня кидаются тяжелыми предметами. Какое безобразие!

– Ой, извини, Уинстон. Я нечаянно. Просто я тааак рада! Я жутко боялась английского, но все оказалось не так страшно. И поэтому я сейчас радуюсь. – Она наклонилась, взяла меня на руки и понесла к дивану. – Ну ты ведь сам знаешь, как иногда бывает неприятно в школе. – Она легла на солнечную половину дивана и аккуратно положила меня рядом. Я тут же простил ей неловкую историю с портфелем.

– Знаешь, Уинстон, на следующей неделе у нас в школе будет здоровская вещь! Я уже заранее радуюсь! – Она таинственно понизила голос, словно ждала, что я попытаюсь отгадать причину ее радости. Но этого, разумеется, не произошло – хоть я и был вынужден некоторое время находиться в теле Киры и, значит, учиться в ее классе, тем не менее я не стал экспертом в школьных делах. – Скоро у нас начнется курс «Актерская игра»! Он будет длиться целую неделю, а может, и дольше – просто супер! С нами даже будет заниматься *заведующий репертуаром* из настоящего театра. К тому же он еще и драматург. Круто, правда?

Ага. Мне это ровным счетом ничего не говорило. Актерская игра? Что это такое? Вот Вернер любит играть в шахматы, Анна – на рояле, а мать Вернера, прежняя владелица этого рояля, охотно играет в бридж. Впрочем, никто из них не играл целую неделю без перерыва, поэтому, вероятно, Кира имела в виду что-то другое. Все-таки к ним придет еще и какой-то важный человек откуда-то там. Я с недоумением посмотрел на Киру. Она усмехнулась:

– Ты не понимаешь, о чем я говорю, верно? В общем, речь идет о театре! А тот человек, драматург, поможет нам поставить спектакль. Сегодня нам это сообщила учительница музыки.

Кира, ты думаешь, что теперь-то я все понял? Да нет же! Для меня театр – это всего лишь какая-то непонятная штука, где сам я никогда не был, но слышал про нее от Вернера, потому что иногда вечером он наряжался, причесывался перед зеркалом, уходил и возвращался домой довольно поздно. Я демонстративно зевнул, а Кира удивленно вытаращила глаза:

– Что случилось с моим умным Уинстоном? Ты так и не понял, о чем я говорю, да? В общем, театральная постановка – это когда люди играют какую-нибудь историю. Тогда они делают вид, будто это не они, а кто-то еще, и изображают то, чего на самом деле не бывает. Понятно?

Так значит, театр – это то же, что и телевизор? Вернер как-то раз объяснил мне, что то, что показывают по телевизору, например в передаче под названием «Место преступления», на самом деле не происходило, просто это изобразили люди, которые называются актеры. Точнее, Вернер объяснил это не мне, а своему маленькому племяннику, которого привезли к нему на день, потому что его родители куда-то уезжали. Мы с ним смотрели телик, там кого-то застрелили, племянник начал реветь, и тогда Вернер ему и объяснил, что это все вроде как понарошку. Он так сказал, чтобы мальчишка перестал реветь. А я слушал его – и удивлялся: чего только двуногие не придумают! Делать все как бы понарошку – кому это нужно?

Но я отвлекся от своего рассказа. Короче, всю следующую неделю Кира должна будет делать что-то понарошку. И она этому радовалась! Странно, странно... Но такие уж они, эти люди.

– Уинстон, знаешь, что мне больше всего нравится?

Я склонил голову набок, чуть отодвинулся от Кире и внимательно на нее посмотрел.

– Ну, если точнее, там две здоровские вещи. Во-первых, наша постановка – это мюзикл, то есть мы будем петь. И во-вторых, ты тоже можешь в ней участвовать! Ведь мы поставим «Кота в сапогах», и я уже убедила учительницу музыки и того драматурга из театра, что настоящий кот на сцене станет сенсацией. Драматург даже сказал, что у нас получится интересный эксперимент.

Эксперимент? Я что, должен этому радоваться? По-моему, наоборот, это звучит скорее опасно – что-то вроде опытов над животными... Но Кира была в восторге и тараторила дальше:

– Наша директриса тоже согласилась на твое участие – в виде исключения! В общем, тебе можно будет бегать на сцене между кулисами, чтобы создавать нужную атмосферу. Классно, правда? – В ее глазах светилась радость.

Но для меня это были сразу две плохие новости. Что может быть хуже для чувствительных кошачьих ушей, чем человеческая речь? Правильно: когда люди поют. Их музыкальные вкусы приводят меня в ужас. Чаще всего то, что люди принимают за музыку, для меня просто ужас, от которого хочется бежать сломя голову! И сочетание слов «музыка» и «ты можешь участвовать» прозвучала для меня устрашающе! Я всегда думал, что кошкам запрещено появляться в школе – ведь у Кире были серьезные неприятности после моего появления в школе в облике кота. После этого я приходил туда уже в человеческом облике – и до сих пор радуюсь, что снова стал котом и избавился от школы! Нет-нет, я не хочу участвовать ни в каких играх двуногих! Пожалуй, впервые в своей жизни я позавидовал собакам, потому что они могут завывать, заскулить и этим выразить свое несогласие. А что мог я? Только жалобно мяукнуть.

Впрочем, Кира предпочла этого не заметить. Она почесала мне за ухом и шепнула:

– Завтра будут распределять роли и другие обязанности, а с понедельника начнутся настоящие репетиции. Утром я разбужу тебя и возьму с собой. Фрау Хейнсон, наша учительница музыки, сказала, что хочет взглянуть на тебя, и тогда вместе с господином Фернандесом, тем драматургом, они решат, годится ли моя идея. Короче, если ты покажешь себя с лучшей стороны, тебе позволят участвовать в нашей постановке.

Да, это уже не две, а три плохие новости: Музыка. Участие в постановке. Ранний подъем. Мьяааууу! Шшшшш! Клянусь своей когтеточкой – Я! НЕ!! ХОЧУ!!!

Господин Фернандес оказался маленьким человеком в больших роговых очках и с доброй улыбкой. Еще он был сверху донизу одет в черное, и это мне моментально понравилось – ведь я тоже черный с головы до ног. Увидев меня, он сел передо мной на корточки.

– Да ты в самом деле симпатичный парень. Ну-ка, посмотрим, что мы можем сделать с твоим участием.

Я тут же замурлыкал. Немного саморекламы мне уж точно не повредит. И если сегодня утром я был самым несчастным котом в мире... впрочем, ладно – самым несчастным котом на нашей улице, то теперь театральная идея не казалась мне такой уж страшной. Все-таки это для меня прекрасная возможность снова чаще видиться с моими друзьями, Томом и Паули.

– Эй, с животными сюда нельзя! – Какой-то дядька сунул голову в дверь актового зала, потом сделал пару шагов в нашу сторону и показал на меня пальцем.

Фрау Хейнсон удивленно посмотрела на него:

– Позвольте спросить: кто вы такой?

– Альберт Шмидт из хозяйственной службы. Я исполняю обязанности завхоза. Господин Люттге заболел, у него радикулит. – Он смерил всех недобрым взглядом и снова показал на меня пальцем: – Я уже сказал, что с животными сюда нельзя.

Фрау Хейнсон протянула ему руку.

– Моя фамилия Хейнсон, я преподаю музыку. Вопрос о кошке согласован с фрау Розенблатт, нашим директором. Кошка нужна нам для театральной постановки.

Шмидт пожал плечами:

– Тогда ладно. Главное, чтобы животное тут где-нибудь не нагадило. Тогда я вышвырну его вон. – С этими словами он повернулся и вышел, оставив в воздухе запах, смутно мне что-то напоминавший. Какой неотесанный тип! Можно подумать, что я, породистый и умный кот Уинстон Черчилль, вот так пойду и сделаю в углу кучку или лужу! Без моего кошачьего туалета! Нет, какая возмутительная бестактность! Но, кажется, я в самом деле могу спокойно находиться в школе, и это самое главное.

Правда, сегодня утром я едва не остался дома: Анна поначалу не хотела выпускать меня из квартиры. Она считала, что на этой неделе я и так достаточно, как она выразилась, шляется на улице. Тут я не совсем ее понимаю: все-таки она уже знала, что я не ради удовольствия или шутки вывалился в мусоре. Ветеринар, к которому она носила Чупса, сказал даже, что тот, скорее всего, погиб бы в мусорном баке от теплового удара и что спасение пришло как раз вовремя. Значит, я настоящий герой, а не грязная вонючка!

К счастью, Кире удалось убедить мать, что я важный *реквизит* для театральной постановки (я не совсем понял, что это такое). Вот поэтому я и сидел теперь на сцене актового зала. *Доски, которые означают целый мир*, – так фрау Хейнсон только что назвала сцену. Я опять не очень понял, что она имела в виду. Точнее, *вообще не понял*, что Кирина учительница музыки хотела этим сказать. На мой взгляд, доски как доски, самая обычная древесина. Ничего-то они не означают. Но поскольку я тут всего лишь, как они сказали, реквизит, то я лег в сторонке и стал слушать, что господин Фернандес объяснял школьникам.

– Все вы наверняка уже хоть раз были в театре. Значит, видели и тех людей, без которых невозможен ни один спектакль. Как они называются? – Господин Фернандес обвел взглядом семиклассников, выстроившихся возле сцены. Какая-то девочка подняла руку:

– Актеры?

Фернандес кивнул и улыбнулся:

– Абсолютно верно. Вопрос простой, верно? Но для того чтобы театральная постановка появилась на сцене, нужны еще и другие люди. Вы можете сказать кто?

Снова несколько ребят захотели ответить. На этот раз Фернандес кивнул противной Леонии.

– Для театральной постановки важнее всего режиссер, – заявила она с важным видом.

– Правильно, – одобрил ее слова драматург. – Друзья мои, вы все знаете, кто такой режиссер? – спросил он потом.

Я этого не знал, но, разумеется, ответить ему не мог. Правда, в этом не было необходимости, поскольку Леония опередила всех своих одноклассников, прежде чем кто-то успел раскрыть рот.

– Режиссер главнее всех в театре, – затараторила она. – Актеры должны делать то, что он говорит! Поэтому он самый важный человек на сцене. Работа режиссера очень интересная и мне нравится. Я хорошо представляю себе, что нужно делать.

Ага, кто бы сомневался! Ясное дело, что Леонии нравится всякая работа, которая позволяет командовать другими. А по-моему, ей это идет, как корове седло!

Тут вмешалась фрау Хейнсон:

– Все не так просто, как тебе кажется, Леония. Создание театральной постановки – всегда коллективный труд. Режиссер хоть и руководит всей работой над спектаклем и проводит репетиции с актерами – но без своей труппы он ничего не сделает. А ведь кроме актеров над постановкой трудятся еще и другие работники театра – они отвечают за музыку, освещение, сценические костюмы, декорации и так далее. Еще есть суфлеры, которые при необходимости подсказывают актерам слова их роли. Вы уже познакомились с господином Фернандесом – он не только драматург, но и заведующий репертуаром: в театре это тоже важная профессия.

– Теперь, ребята, вы видите, сколько человек участвует в работе над театральной постановкой. Поэтому в нашем проекте дело найдется для каждого. Тогда получится действительно ваша собственная пьеса, – заключил драматург.

Леония снова подняла руку.

– Я хочу быть режиссером! – заявила она.

– Ты *хотела бы*, Леония! – мягко поправила ее фрау Хейнсон.

– Ладно, я *хотела бы* быть режиссером, – торопливо поправилась Леония.

Учительница музыки обвела семиклассников взглядом:

– Еще есть желающие?

Молчание. Неудивительно. Большинство ребят побаиваются подлюю Леонию. Я знаю это по своим кратким гастролям в качестве ученицы 7-го «Б».

– Хорошо, Леония. Ты будешь режиссером.

– Теперь переходим к отдельным ролям, – продолжал драматург. – Конечно, прежде всего это Кот в сапогах. Кто из вас думает, что может успешно превратиться в кошку? Да при этом еще хорошо поет? Ведь Коту придется несколько раз петь соло. В его роли много текста. Ну, кто отважится на роль Кота?

Кира и Эмилия вызвались одновременно. Насчет Киры я не удивился – в конце концов, она идеально подходила для этой роли. Она не только могла превратиться в кошку – она уже была ею! Но вот Эмилия меня удивила. Чтобы в кого-то превратиться, все-таки нужно хоть иногда думать о других. Мне не верилось, что Эмилия хоть раз в своей жизни думала о ком-нибудь, кроме себя. Она такая же глупая коза, как Леония и остальные девчонки из их компании. Я могу даже спеть об этом! Стоит мне вспомнить, какую подлость устроили мне эти девчонки, когда я еще был Кирой... Они велели мне украсть майку – якобы для испытания моей храбрости. Но на самом деле они хотели лишь одного – чтобы у меня были серьезные неприятности. Поэтому они подстроили так, чтобы охранник того бутика обратил на меня внимание. МЯВ! Клянусь своими роскошными усами: тот, кто готов совершить такое свинство, не заслуживает роли такого благородного животного, как кошка!

– Еще есть желающие? – спросил Фернандес. Нет. Больше не поднялось ни одной руки. Понятное дело – Кира идеальная кандидатура. Вероятно, это сразу поняли все, кроме Эмилии.

– Когда какую-то роль хотят получить сразу несколько актеров, – продолжал Фернандес, – режиссер обычно беседует с каждым из них, просит сыграть фрагмент этой роли и только после этого принимает решение. Конечно, вы не актеры и пока не можете сыграть отрывок из роли.

Поэтому я задам вам такой вопрос: почему вы считаете, что из вас получится хороший Кот в сапогах? – Он приветливо кивнул Кире. – Ну, отвечай ты первая.

– В общем, я давно пою в хоре и играю на пианино. По-моему, у меня есть какой-то музыкальный талант. – Неужели правда? Неужели Кира тоже умеет играть на этой штуке с клавишами? Вот уж не знал. За наш рояль она еще не садилась – чему я был рад. Как я уже упоминал, у людей и кошек очень разные представления о том, что такое красивая музыка. – Кроме того, у меня у самой есть кот, – продолжала Кира, – и поэтому я считаю, что много знаю об этом персонаже.

Фернандес и Хейнсон дружно кивали. Казалось, Кира их убедила.

Тут настала очередь Эмилии.

– Я считаю себя потрясающей актрисой, – заявила она. – У меня нет дома кошки. Но это и не важно – ведь я не хочу превращаться в кошку, я буду только играть ее. Я тоже пою в хоре, а кроме того, беру частные уроки пения. Ну, разумеется, и игры на фортепиано. По-моему, ясно, кто из нас двоих лучше. Эта роль просто создана для меня.

Фрау Хейнсон невольно покачала головой, а Том и Паули закатили глаза от возмущения. По-моему, они думали о том же, о чем и я. Всем же ясно, кто должен получить эту роль!

Однако, к моему огромному удивлению, господин Фернандес обратился к Леонии:

– Мы выслушали обеих претенденток. Теперь все решит режиссер. Как и в реальной жизни.

ЧТО?! Неужели ЭТА противная особа получила право все решать?

Леония широко ухмыльнулась:

– Роль Кота в сапогах получит Эмилия.

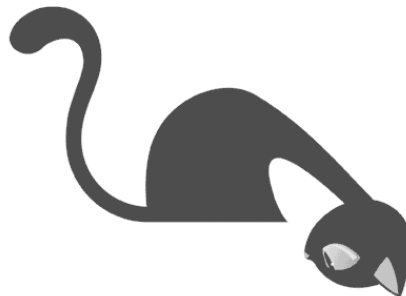
Фернандес покачал головой:

– Хорошо. Так и будет. Поздравляю, Эмилия.

Я ничего не понимал. Это просто сплошное недоразумение. И вообще, это не доски, которые означают целый мир. Это доски, которые загораживают мир и не дают видеть и понимать очевидные факты!

Мороженое. И бутерброд с мясным фаршем. И старая история с четырьмя сильными личностями

– Какое свинство! Это просто бессовестно! – Паули никак не могла успокоиться.

Театральная встреча закончилась, все роли были распределены. Мы сидели в нашем любимом кафе-мороженом «Айсмари», Паули просто кипела от злости и никак не могла успокоиться. Я понимал ее. Распределение остальных ролей тоже обернулось для нас катастрофой. Кира хотела получить роль королевской дочки, но Леония отдала ее другой своей подруге. После этого у Киры пропало всякое желание тянуть руку. Почти все другие большие роли получили девчонки, дружившие с Леонией, а для Киры остался только хор. Единственный лучик света: я мог участвовать в постановке, потому что господина Фернандеса *невероятно* поразила моя элегантность, с которой я расхаживал по заднику сцены. К тому же Том отвечал за декорации и техническую часть постановки, а Паули стала художницей по костюмам. Но их это не очень радовало. Кира молчала уже целых полчаса – она была горько разочарована.

– Больше всего меня возмутило, что фрау Хейнсон вообще ничего не сказала. Хотя это было таааак несправедливо! А ведь она обычно такая милая и приятная! – Лицо Паули было ужасно мрачным. Меня всегда удивляло, даже поражало, как много чувств можно прочесть на человеческом лице. Радость, злость, печаль – лицо можно читать как раскрытую книгу, если знаешь, на что обращать внимание. Взять хотя бы Паули. Ее нахмуренные брови и плотно сжатые губы говорили о том, что ситуация была *действительно* невеселая.

Том кивнул:

– Угу. Хотя в этом театральном проекте командует Фернандес. А ты ведь слышала, что он сказал: он хочет сделать так, как это бывает в реальной жизни – а там последнее слово всегда за режиссером.

Паули сердито тряхнула своей панковской шевелюрой:

– *Как в реальной жизни?* Не-ет! Я уверена, что папаша Леонии отстегнул нашей гимназии нехилую сумму – вот и вся загадка. Или причина в том, что учитель музыки, у которого занимается Эмилия, руководит оркестром, а оркестр для нашего мюзикла очень бы пригодился. Ясно, что фрау Хейнсон выгоднее было взять на главную роль девочку, которой тот дает частные уроки. Как это НЕСПРАВЕДЛИВО! – Она даже фыркнула от злости.

– Но, с другой стороны, Кира поднимала руку только два раза. Пожалуй, в этом была ее ошибка, – спокойно возразил Том. – Сын мельника тоже неплохая роль. Если бы ты вызвалась, думаю, Бенни остался бы ни с чем. Ему дали эту роль только потому, что не нашлось других желающих.

– Эй! – сердито воскликнула Паули. – Ты что, хочешь сказать, что Кира сама во всем виновата?

– Нет, я только...

– Мы ее друзья и должны во всем ее поддерживать!

– А я что делаю?! Но ведь друзья имеют право задавать неудобные вопросы, когда с чем-то не согласны. Или поправлять, когда видят ошибку. И это совсем не означает, что они не хотят поддержать друга в трудную минуту.

Нечто подобное мне приходилось слышать и от Вернера, когда тот спорил со своим братом, можно ли поправлять своих друзей, если те совершают ошибку. И как быть тем друзьям – обижаться или радоваться, что у них такой прямой и честный друг? Раньше я как-то не задумывался над этой проблемой. Ведь у меня и друзей-то толком не было. До знакомства с Кирой я был настоящим отшельником. Теперь все изменилось. У меня появились два четвероногих друга – Одетта, а недавно еще и Чупс; а среди двуногих даже три друга – Кира, Паули и Том. Короче, настала пора задуматься, что такое настоящая дружба.

– Почему ты молчишь? – спросил Том у Кире.

Она склонила голову набок и лизнула шоколадное мороженое. Потом тяжело вздохнула:

– Ну, не знаю. Может, я просто не нравлюсь фрау Хейнсон и она рада, что мне не досталось ни одной из больших ролей.

– Чепуха! – в один голос воскликнули Том и Паули.

– Она ведь знает, как классно ты поешь, – добавила Паули. – Возможно, Том прав – тебе просто не повезло с ролями Кота и королевской дочки. Если бы ты вызвалась еще раз, тебе дали бы какую-нибудь другую большую роль. Фрау Хейнсон наверняка помогла бы с этим. Все-таки Фернандес тебя совсем не знает и понятия не имеет, как ты классно поешь.

Кира снова горько вздохнула:

– Вы правы. Мне не надо было принимать все так близко к сердцу. Но тогда я слишком расстроилась, чтобы поднимать руку еще раз. Ведь я так радовалась этому спектаклю и поэтому ужасно огорчилась, что мне не досталась ни одна из моих любимых ролей.

Том похлопал ее по плечу:

– Подожди, может, мы еще не успеем на следующей неделе все отрепетировать – ведь репетиции будут проходить после основных уроков. А Эмилия известная лентяйка. Ей просто все это надоест, и она откажется от роли Кота в сапогах. Я считаю, что тебе нужно на всякий случай выучить ее текст. – И он хитро подмигнул Кире. В ответ она радостно улыбнулась:

– Да, точно. Прекрасная мысль. Я так и сделаю. – Мои двуногие друзья сразу повеселели.

– Эй, я придумала! – Паули подскочила на стуле вместе со своим мороженым. – Если Эмилия добровольно не откажется от роли, мы просто похитим ее и запрем в школьном подвале. Выпустим только тогда, когда закончится мюзикл.

Она что, серьезно?! Я не поверил своим кошачьим ушам! Ведь это категорически запрещено и обязательно приведет к огромным неприятностям с полицией.

Все трое весело рассмеялись. Кира хохотала так, что уронила сладкую кляксу на джинсы:

– Вау, супер! Вот было бы круто, если бы мы действительно могли так сделать! Так ей и надо, тупой корове!

Ах, так мои друзья просто шутили? Тогда я спокоен.

– Я почуял запах бутерброда с мясным фаршем, прыгнул за ним в контейнер и только хотел его схватить, как на меня упал тот тяжелый деревянный ящик и прижал к стенке. Я так и повис там вниз головой. Думал, что все – моя песенка спета... – Чупс все еще переживал случившееся, которое едва не стоило ему жизни, хотя с тех пор прошло уже больше недели.

Я возвращался с первой театральной репетиции, в которых буду теперь участвовать каждый день, и, воспользовавшись этим, заглянул на наш задний двор. После моей вынужденной

встречи с Гердом и Муратом я еще не был там ни разу – и очень жалел об этом. Ведь мне, конечно же, было ужасно интересно, заработал ли я у дворовых кошек хотя бы парочку очков своим героическим поступком.

Оказывается, заработал. Однозначно. Не успел я дойти до ящика для мусорных баков, как навстречу мне вышли Одетта и Чупс, и даже старый ворчун Спайк приподнялся со своего привычного места, чтобы поприветствовать меня. После этого мы уселись на солнышке перед контейнером, и Чупс принялся расхваливать мои таланты и достоинства. По его рассказам, я и впрямь оказался Супер-Уинстоном! Какой удачный для меня день! Чупс говорил и говорил, а Одетта со Спайком только таращили глаза и удивленно крутили мордочками. Честно говоря, я не слишком понимал, как Чупс вообще мог помнить те драматические события – все-таки он был в обмороке. К тому же его рассказ имел очень отдаленное сходство с тем, что происходило на самом деле. Ведь Герд с Муратом искренне хотели нам помочь. А он изобразил все так, будто я атаковал двух злых мусорщиков и прогнал их, после чего собственными лапами вытащил его из контейнера. Лично я ничего такого не припоминаю – но это и не важно. Важно другое – как чудесно быть героем! Клянусь своей когтеточкой! Поэтому я просто слушал, что рассказывал Чупс, не поправляя его, а лишь кивая со скромным достоинством, а в конце всей истории пробормотал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.